

НЕЖНЫЕ ПРОВОКАЦИИ

Независимая газета

Театр, нырнувший в крошечную тьму жизни

Григорий Заславский

Другие берега

ТАК ВСЕГДА: смотришь один спектакль — вспоминаешь о другом. В зале Театра Моссовета, где Рижский театр русской драмы показывал спектакль Романа Козака «Самое главное», я вспомнил о нидерландском театре «Тендер». А главным героем, который приходит в провинциальный театр, чтобы увлечь с собой несколько актеров сойти «в крошечную тьму жизни во всеоружии искусства», выбрать своим поприщем не сцену театра, а сцену жизни, «где иллюзия нужна не меньше, чем на этих подмостках», напомнил о Жаннет Хоек, менеджере и продюсере театра «Тендер».

Уверенность в том, что «путь к спасению мира» найден, как и социалистические идеи, оставим, вслед за Козаком, времени, когда была написана пьеса Николая Евреинова. Актерам «Тендера» вряд ли когда приходила в голову мысль о своей возможной высокой миссии, хотя во многом следуют рецептам д-ра Фреголи — играют на сцене жизни. Не продают билетов на спектакли и вообще не имеют кассы, ни афиш, ни программки. Публика чаще всего так до конца и не понимает, кто был актером, а кто нет. И сами представления подчас начинаются незаметно, едва отличаясь от течения обычной жизни.

Сама история возникновения театра забавна, походит на анекдот и достойна описания. В 81-м году несколько студентов-технарей получили разрешение водрузить только что сделанный ими неопознанный летающий объект за крышу Центра Помпиду в Париже. Но у них совсем не было денег на рекламу. И они обратились за помощью к небольшой группе амстердамских студентов-мимов, которые и нашли прекрасный выход из положения. Смешавшись с толпой, мимы, полные ожидания, принялись смотреть в небо. Прохождение останавливались, многие последовали их примеру. Что же произошло даль-

ше? Когда НЛО наконец установили, сила внушения была настолько велика, что зрители потом утверждали, будто видели, как мажорский зеленый человек выходил из него.

Для первого же представления, которое происходило в поезде, они решили окрестить труппу «Тендер». Не столько из-за приятного англосаксонского значения слова (нежный), сколько в напоминание о небольшом приспособлении, которое крепится к двигателю, чтобы доставлять топливо и воду, и называется «тендер».

«Тендер» в поезде, «Тендер» на льду, «Тендер» делает покупки, «Тендер» плавает, «Свидание вслепую с «Тендер» — названия спектаклей не обещают ничего экстраординарного. С тех пор вот уже пятнадцать лет «Тендер» смотрит на повседневность как на театральное событие. Я мог убедиться в этом на традиционном летнем театральном фестивале в Тампере на спектакле «Тендер» женится».

Этот спектакль «Тендер» играет пять лет. Я видел 65-й.

Не досмотрев до конца, не пройдя весь путь — от городской площади, мимо центральных магазинов до тихой улочки, где разыгрывается финал, — нельзя оценить всего мастерства и неожиданного для уличного представления философствования о счастье, несчастье и напрасности любых предложений там, где есть кому располагать. И наконец, были ли зрители, был ли зритель? Нет же! Поскольку всякий, кто хоть на минуту задерживал взгляд на вставших на пути друг у друга свадебных церемониях и размовах, вдруг оккупировавших город, уже заранее «задуман» и «распределен» на роль уличного зеваки. Незаметно для себя мы сыграли спектакль. И — кто знает — будь мы участливее, все могло бы закончиться не так бессочно.

По названию было не догадаться, что представление складывается из цепочки неслучайных свадеб. Одна невеста, которую толпа зрителей встречает на пути, никак не дожидается своего жениха, другая рассорится со своим на наших глазах из-за заглохшего

двигателя, украшенного лентами свадебного автомобиля, третья разрыдается в окне по неизвестной нам причине, и кто-то, высунувшись из соседнего окна (актер? случайный человек, не знающий о спектакле?), примет ее утешать. Мы пройдем мимо горя каждой из них, всякий раз «выбирая» счастливую пару, не отступая от нее ни на шаг. Ту самую, которую увидели первой, придя в назначенный час на городскую площадь. Которая ворковала по дороге к костелу, а еще раньше фотографировалась, улыбаясь фотографу, по его просьбе бегала вокруг фонтана, нюхала цветы, а по дороге заходила в кафе, в магазины. «Наша невеста» и «наш жених», увлеченные друг другом, также равнодушно проходили мимо чужого горя. И ссорились — под самый конец, но навсегда. Из-за пустяка: на перекрестке он показал рукою на один костел, она пожелала идти в другой, куда ходила с детства. Исчезнув в одном из подъездов, минутой спустя невеста появилась в окне третьего этажа. Ссора быстро переросла в ругань на всю улицу. А в это время в окнах того же дома и дома напротив появились остальные «невесты». Высунувшись из окон, они стали сбрасывать вниз свои прекрасные платья, а затем разбирали свои прически и начинали мыть головы. А жених собирал уже никому не нужные свадебные наряды и принимался за стирку. На дороге остался лежать торт, упавший с блюда разносчика из кондитерской, и россыпь конфет — к радости случившихся поблизости детей. Незвестно откуда вдруг заиграла музыка — апофеоз какой-то классической симфонии. Спектакль окончен, можно было дальше спешить по делам. Но то ли свежий воздух, то ли само представление так странно высветили все чувства (уж не катарсис ли?), что спешить не хотелось. Однако непонятно было, что же так увлекло все это время: театр, так близко сошедший с жизнью, или жизнь, до абсурда похожая на театр.

Автор искренне признателен Татьяне Валерьевне Бутровой за помощь, оказанную при написании статьи.

Сцена из спектакля «Безопасный секс с Тендером».